

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-4-689-715

EDN: KJHTBO

Место человека в социальном пространстве России (возможности эмпирического исследования)*

Л.А. Беляева

Институт философии РАН,
ул. Гончарная, 12, стр. 1, Москва, 109240, Россия

(e-mail: bela46@mail.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены понятия и феномены, дающие представление о социальном пространстве страны, в которое включен человек со своими способностями, потребностями, жизненными обстоятельствами, оценками и мнениями. Исследование базируется на теории социального пространства П. Бурдьё как совокупности социальных полей: экономического, политического, бюрократического, религиозного, национального, регионального, ценностного. Включение в анализ трех последних полей, к которым специально не обращался Бурдьё, оправдано российской спецификой — без учета этих полей изучение массового сознания и позиций акторов и групп в социальном пространстве было бы неполным. В статье предпринята попытка представить целостный взгляд на социальное пространство с использованием эмпирических показателей. Поля социального пространства рассмотрены как многосоставные объекты, несводимые к единому целому, имеющие разные основания и набор признаков/индикаторов, а также разное влияние на положение индивида в обществе. Изучение социального пространства через призму массового сознания — оценки социальных полей и своего места в них — дает возможность увидеть такие качества этих полей, которые содействуют или препятствуют развитию общества и благополучию человека. Эмпирическую основу исследования составили материалы всероссийского мониторинга Центра изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук (ЦИСИ ИФ РАН) (1990–2023), данные Европейского социального исследования (ESS), в котором участвовала Россия, а также результаты опросов, проведенных ведущими российскими центрами общественного мнения в 2024–2025 годы и российского социального исследования (РСИ) за 2024 год. Показано, что поля социального пространства России находятся в гетерогенном и динамичном состоянии, поэтому его изучение в условиях современных внутренних и внешних экономических и социально-политических вызовов является актуальной задачей.

Ключевые слова: социальное пространство; капитал; поле — социально-экономическое, политическое, бюрократическое, религиозное, региональное, национальное, ценностное; опросы общественного мнения; эмпирические индикаторы

Для цитирования: Беляева Л.А. Место человека в социальном пространстве России (возможности эмпирического исследования) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 4. С. 689–715. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-4-689-715>

---

*© Беляева Л.А., 2025

Статья поступила в редакцию 11.06.2025. Статья принята к публикации 14.10.2025.

Будущее страны в сложный этап исторического развития объясняет необходимость анализа процессов, происходящих в контексте реальных изменений тех сторон общественного развития, которые оказывают влияние на существенные параметры российской цивилизационной модели. Простая констатация, что у России свой самобытный путь развития, невозможна без критического анализа тех составляющих этого пути, которые оказывают влияние на качество жизни населения, общественное сознание, взаимоотношения внутри сообщества и с внешним миром. Для характеристики модели цивилизационного развития, которой следует Россия, важно учитывать не только особенности самосознания и духовные составляющие образа жизни («таинственный народный дух» [26. С. 214]), но и вполне осязаемые обстоятельства жизни — материальные, социальные, политические, технологические. Тогда цивилизационную модель современной России можно определить как гетерогенную — в ней совмещаются технологические достижения, элементы гражданского общества, смешанный тип государственного устройства (плебисцитарная демократия [47]), крайняя степень материального расслоения, смешение западных форм образа жизни, восточный колорит и архаика и т.д., и для изучения этой модели необходимо выбрать или разработать соответствующий научный аппарат.

Можно обратиться к системе понятий в поле теоретической конструкции «социальное пространство». Ответом на вопрос, для чего нужно изучать социальное пространство страны, может быть «нет ничего практичнее хорошей теории», а также «чтобы определить место человека в своей стране, нет ничего практичнее, чем теоретически представить те реальные общественные сферы, в которые входит человек со всеми его способностями, потребностями, жизненными обстоятельствами, оценками и мнениями». Кроме того, как подчеркивает П. Бурдьё, такой подход позволяет представить совокупность точек, с которых обычные агенты (в том числе социолог) видят социальный мир, — большинство позиций повседневного существования с его дистанциями. Бурдьё советовал вкладывать «наиболее важные теоретические вопросы в тщательно проведенное эмпирическое исследование» и обращаться «за решением той или иной канонической проблемы к тематическим исследованиям... например, вооружившись в попытке понять фетишизм не классическими текстами Маркса или Леви-Стросса, а анализом высокой моды и “марки” кутюрье» [46. С. 110]. Для оценки возможностей эмпирического изучения социального пространства с его полями были проанализированы мнения россиян о качествах социальных полей и своем месте в них.

Эмпирическая база исследования — материалы всероссийского мониторинга, одного из немногих проектов, который начался еще в советской России (в границах РСФСР 1990 года) и продолжается до сих пор, в значительной части по той же программе. В 1990–2020 годы мониторинг проводился каждые четыре года, затем в 2015 и 2023 году (перерыв в 5 и 7 лет

соответственно). Опросы 1990–2015 годов были проведены под руководством Н.И. Лапина, опрос 2023 года — под руководством Л.А. Беляевой. Мониторинг охватывает социально-политический и экономический контексты жизни, базовые ценности и нормы поведения населения, его труд, доходы, повседневные интересы, оценки тенденций развития страны, своего настоящего и ближайшего будущего. Объем интервью в разные годы составлял от 70 до 150 вопросов, большинство вопросов повторялись во всех волнах (1). В опросе 2023 года представлены все федеральные округа и большинство регионов. Предлагаемая методика может учитывать данные других исследований в качестве основных или дополнительных. В статье использованы материалы ВЦИОМ и ФОМ. Данные Российского социального исследования (РСИ), сопоставимого с Европейским социальным исследованием (ESS), предоставлены А.В. Андреевской, под чьим руководством был проведен опрос в сентябре — ноябре 2024 года (2).

Социологические теории социального пространства возникли сравнительно недавно, в отличие от философско-исторического осмысления этого понятия. Предметом изучения является также взаимодействие физического и социального пространств, которые, с одной стороны, не совпадают, но, с другой стороны, тесно взаимодействуют. Разные подходы к определению социального пространства и его наполненности представлены в работах многих социальных философов и социологов (см., напр.: [6; 7; 17; 19; 24; 44; 45]), в каждой концепции обозначены те или иные характерные черты социального пространства — от межиндивидуальных взаимодействий, иерархического строения и дистанций до сетевых и виртуальных сообществ. Сегодня социальные науки находятся под воздействием методик изучения «больших данных», но выстраивать методологию изучения социального пространства страны с учетом его множественности и изменчивости — прерогатива социальной философии и социологии. Множественность — характерная, неустранимая черта социального пространства, находящегося в непрестанной динамике и трансформации, поэтому необходим анализ состояния социальных полей по целому ряду непрерывно изменяемых показателей, определяя на каждом временном этапе основные показатели, по которым можно отслеживать изменения социальных полей и в целом социального пространства. Теория социального пространства имеет структуралистские основания [1], поэтому для нее характерны ясность и общность методологической программы и четкие границы анализа.

Статья опирается на теорию Бурдьё, который рассматривал общество как социальное пространство из ансамбля полей, в которых концентрируются разные виды капитала [9; 10; 15] и происходит взаимодействие и борьба акторов — индивидуальных и групповых — за статусные позиции в конкретном поле и в социальном пространстве в целом. Социальное пространство — «поле сил, точнее совокупность объективных отношений сил, ко-

торые навязываются всем входящим в это поле и несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же к их непосредственным взаимодействиям... Действующие свойства, взятые за принцип построения социального пространства, являются различными видами власти или капиталов, которые имеют хождение в различных полях. Капитал, который может существовать в объективированном состоянии — в форме материального свойства или, как это бывает в случае культурного капитала, в его инкорпорированном состоянии, что может быть гарантировано юридически, — представляет собой власть над полем (в данный момент времени)» [13. С. 15]. Поля и действующие в них капиталы — механизмы воспроизводства социальных отношений и иерархий, но теория Бурдьё не учитывает во всей полноте те изменения, вызовы и способы, которые позволяют трансформировать социальные поля и социальное пространство благодаря действиям социальных акторов. Поэтому несколько статичная теория социального пространства была дополнена теорией действия Бурдьё, в центре которой находится понятие габитуса — система приобретенных схем, действующих на практике как категории восприятия и оценивания или как принцип распределения по классам и организационный принцип действия [14].

Поля социального пространства — многосоставные объекты, несводимые к единому целому, с разными основаниями, наборами признаков и влиянием на положение индивида: «Позиция агента в социальном пространстве может определяться по его позициям в различных полях, т.е. распределением власти, активированной в каждом отдельном поле. Это, главным образом, экономический капитал в его разных видах, культурный капитал и социальный капитал, а также символический капитал, обычно называемый престижем, репутацией, именем и т.п.» [13. С. 16]. Социальные поля, составляющие социальное пространство, можно рассматривать как структуру распределения разных видов капитала, которые функционируют одновременно как инструменты и цели борьбы в разных полях и в социальном пространстве в целом. «Социальное пространство можно описать как такое многомерное пространство позиций, в котором любая существующая позиция может быть определена, исходя из многомерной системы координат, значение которых коррелирует с соответствующими различными переменными. Таким образом, агенты в них распределяются в первом измерении — по общему объему капитала, которым они располагают, а во втором — по сочетаниям в них капиталов, т.е. по относительному весу различных видов капитала в общей совокупности собственности» [13. С. 16].

В отечественном научном дискурсе представлен опыт рассмотрения некоторых полей социального пространства (см., напр.: [25; 27; 30; 43]): идеологического поля; социального поля фондового рынка; поля цифровой экономики; виртуального сообщества как социального поля, где присутствует неравенство и коммуникативный капитал; социального поля здоровья нации;

социального театра; спорта; современной литературы; образования; сексуальности и т.д. — теория Бурдьё позволила исследователям рассмотреть проблемы общества с использованием единой системы понятий: капитал, борьба, позиция, практика, габитус, действие, власть. Например, была показана интегрированность спорта в тело социума, иерархичность поля спорта, его способность к трансформации и практический смысл, динамичность развития, многомерность и способность подчинять себе спортивных агентов, влиять на иные поля и само общество [22].

Отмечая успешность применения теории пространства Бурдьё к анализу отдельных социальных полей, нельзя не отметить отсутствие комплексного и синхронного рассмотрения доминирующих социальных полей, образующих такие характеристики конкретного общества, которые позволяют говорить о модернизационном уровне и цивилизационной модели страны. Целостный взгляд на состав полей и их структуру с использованием эмпирических индикаторов пока не стал общепринятым методологическим подходом. Адекватное изучение полей социального пространства возможно только посредством сочетания объективных и субъективных характеристик, которые должны дополнять друг друга, описывая общество, представленное в этих полях, находить свое отражение в объективированном виде, а также в восприятии этих полей населением. Для социолога, работающего с эмпирическими данными, приоритетное значение имеют оценки индивидами социального поля, многообразия его характеристик и самоидентификация в этом поле.

Социальное пространство России формируется социально-экономическим, политическим, бюрократическим, религиозным, региональным, национальным и ценностным полями. Важным свойством социальных полей является их взаимное влияние, что выражается в изменении социальной позиции индивида в конкретном поле при изменении позиции в другом поле — как при повышении, так и в случае понижения. В социальном пространстве действуют акторы — индивидуальные и коллективные субъекты, последние образуют социальные общности — демографические, национальные, территориальные, профессиональные и т.п., которые внутренне иерархически упорядочены («верхние», «средние» и «нижние» слои, вертикальные и горизонтальные каналы перемещений и т.д.). Все индивидуальные акторы занимают свое место в социальных полях, действуют в соответствии с габитусом и имеют представление о своем месте, получаемом в ходе социализации и сравнения с другими акторами. Отдельные индивидуальные акторы могут обладать таким объемом капитала (экономического, политического, символического, человеческого и др.), который дает им существенный перевес над коллективными акторами. Так, в политическом поле обычно доминирует руководитель политического объединения, но в определенных обстоятельствах его сила может ослабевать, и в результате меняется (снижа-

ется) его социальная позиция. Такие же перемещения происходят в других полях при сокращении того или иного вида капитала у конкретного актора. Исключение составляет человеческий капитал, поскольку он только накапливается и не утрачивается без чрезвычайных обстоятельств. Более того, составная часть человеческого капитала — цифровые компетенции — сегодня может наращиваться без влияния других видов капитала.

В поиске инструментов изучения социального поля можно обратиться к объективным показателям или опереться на суждения тех, кто располагается в этом поле, т.е. задействовать количественные и качественные методы. Каждое социальное поле, согласно Бурдье, можно анализировать по двум группам показателей — имеющих объективированное выражение и отраженных в массовом сознании.

Социально-экономическое поле, по Бурдье, занимает центральное место в социальном пространстве в силу того, что здесь концентрируется экономический капитал, а позиция актора в социальном пространстве определяется главным образом его позицией в экономическом поле, которое стремится навязать свою структуру другим полям [13]. Эмпирические индикаторы экономического капитала формируют иерархическую систему позиций, характеризующих материальное благосостояние: доход, финансовый капитал, недвижимость, возможности для поддержания здоровья, получения высококвалифицированной медицинской помощи и образования. В этой системе показателей существует тесная связь между распределением дохода и другими показателями благосостояния, закрепляющими размещение людей по социальным слоям. Неравномерность обладания экономическим капиталом может фиксироваться и другими объективными показателями: место жительства в престижных районах города или престижной дачной местности, высокая стоимость жилья, обладание предметами роскоши, антиквариатом и прочими свидетельствами значительного экономического капитала, а на другом полюсе оказываются люди с минимальным доходом в социально неблагополучных районах.

Наряду с объективными показателями экономического капитала используется самооценка материального положения, оценки справедливости в распределении богатства, доступности хорошего питания, нормального жилья и медицинской помощи. Помимо экономического капитала в этом поле находятся такие показатели, как уровень социальной защиты и социального обеспечения, возможность получения качественных медицинских услуг, развитость системы образования, учреждений культуры и досуга и их доступность. Эти показатели варьируют в зависимости от экономического капитала в узком смысле слова, а также от предоставляемых социальных услуг. В число субъективных показателей включаются также индикаторы социальной солидарности, коллективизма/индивидуализма, отношение к справедливости и равенству.

Так, в мониторинге ЦИСИ ИФ РАН за 1990–2023 годы респонденты были распределены по материальному положению на основе самоидентификации (табл. 1). В начале 1990-х годов около 70 % населения оказались в группах «нищих», «бедных» и «необеспеченных», к трем верхним материальным слоям относились 30 %. В 2023 году соотношение слоев изменилось: три нижние страты составляют 31 %, четвертая — обеспеченные — 50 %, пятая и шестая — 19 %. За тридцать лет общество пришло к довольно устойчивой конструкции вследствие позитивных сдвигов в экономике и успешной адаптации к постсоветским социетальным преобразованиям. Располагаемый экономический капитал — уровень дохода населения — вырос на столько, что можно говорить о повышении социального благополучия. Тенденцию на стабилизацию материального расслоения в 2024–2025 годы фиксирует и ФОМ: 25 % россиян считают свое материальное положение хорошим, 55 % — средним, 18 % — плохим при незначительных колебаниях оценок [22]. Схожую картину показывают и оценки удовлетворенности нынешним состоянием экономики: по данным РСИ, средний балл за 2016–2024 годы по 10-балльной шкале вырос в 1,25 раза.

Таблица 1

Какое высказывание характеризует Ваше материальное положение?, %

Самооценка	1994	1998	2002	2006	2010	2015	2023	Условные слои
Денег до зарплаты не хватает, приходится занимать	7	24	13	11	13	11	8	«Нищие»
На повседневные затраты уходит вся зарплата	31	29	23	22	18	18	10	«Бедные»
На повседневные нужды хватает, но покупка одежды затруднительна	28	21	30	21	21	22	13	«Необеспеченные»
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	22	14	22	29	31	33	50	«Обеспеченные»
Почти на все хватает, но недоступны приобретение квартиры, дачи	7	10	11	9	11	9	16	«Зажиточные»
Практически ни в чем себе не отказываем	1	1	1	2	3	2	3	«Богатые»
Не знаю, отказ от ответа	4	1		6	3	5		

Однако если рассматривать социально-экономический капитал как комплексное удовлетворение базовых потребностей (табл. 2), то низкие оценки (менее 50 %) получили доступность хорошей медицинской помощи и образования, лишь каждый пятый (21 %) заявил о своей защищенности от бедности.

Таблица 2

Положительные оценки показателей уровня жизни, %

Показатели уровня жизни	1990	1994	1998	2002	2006	2010	2015	2023
Хорошее материальное положение (обеспеченные и выше по доходу)		30	25	34	40	45	43	70
Удовлетворены доступностью качественных потребительских товаров				47	59	59	50	66
Удовлетворены качеством обслуживания в сфере быта				31	49	48	48	60
Удовлетворены качеством жилья	57			58	60	66	65	68
Удовлетворены доступностью хорошей медицинской помощи				19	28	31	31	29
Удовлетворены доступностью образования						41	46	49
Защищены от бедности			14		15	21	21	21

Таким образом, выборочный анализ показателей социально-экономического капитала показал, что в постсоветские годы происходило накопление этого капитала для обеспечения материальной стороны жизни — дохода, жилищных условий, качества потребительских товаров, бытового обслуживания. Но другая часть социально-экономического капитала (нематериальные критерии) не удовлетворяет население, большинство не имеет достаточного дохода для получения качественных услуг здравоохранения и образования.

Политическое поле Бурдье определяет как «поле сил и поле борьбы, направленной на изменение соотношения этих сил, которое определяет структуру поля в каждый момент, не есть государство в государстве: влияние на поле внешней необходимости дает о себе знать посредством той связи, которую доверители, в силу своей дифференцированной отдаленности от средств политического производства, поддерживают со своими доверенными лицами, а также посредством связи, которую эти последние в силу их диспозиций поддерживают со своими организациями» [9. С. 182]. На политическом поле «разыгрываются, с одной стороны, монополия разработки и распространения принципа легитимного разделения социального мира и тем самым мобилизации групп, а, с другой – монополия применения объективированных инструментов власти (объективированный

политический капитал)» [9. С. 181–182, 193]. В обществе действует комплекс субъектов политики — партии, политики, возглавляющие политические и государственные организации, государственные служащие, СМИ, некоммерческие организации и отдельные индивиды. Распределение власти на политическом поле обусловлено историческими особенностями развития страны, условиями, традициями, ценностями и моделями поведения в политическом поле. Участие индивидов состоит в поддержке легитимности ветвей власти и оказании доверия им и СМИ — традиционным и электронным — в зависимости от политической культуры: она может быть патриархальной, подданической, активистской и смешанной, характеризует участников социального поля в их готовности участвовать в голосовании, поддерживать политические акции и протесты, совершать активные действия в защиту прав человека, свободы слова, институтов гражданского общества и т.д.

Исследование 2023 года выявило низкие оценки возможностей простых людей влиять на политику: большинство (74 %) считают, что совсем не могут или крайне мало могут влиять на политику. Это мнение соответствует распределению ответов на вопрос, заданный в РСИ, — «В какой мере в рамках нынешней политической системы у таких людей, как Вы, есть возможность влиять на политику?»: ответы «совсем нет» и «очень мало» дали 80 % опрошенных россиян. Эти мнения обусловлены и низким уровнем доверия политическим институтам (табл. 3).

Таблица 3

Скажите, пожалуйста, в какой мере Вы доверяете или не доверяете каждому из следующих социальных институтов? (2023, %)

Институты	Доверяю полностью или в основном	Не могу сказать точно	Не очень или совсем не доверяю	Отказ от ответа
Суд	32	30	37	1
Президент России	63	17	16	4
Профсоюзы	16	38	33	3
Прокуратура	34	32	32	2
Полиция	33	27	39	1
Армия	59	22	17	2
Правительство России	45	23	29	3
Церковь	40	25	31	4
Политические партии	17	35	45	3
Парламент	27	31	39	3
СМИ	17	23	58	2
Интернет	17	32	49	2

Самое низкое доверие институтам было зафиксировано в 2002 году, когда только началась стабилизация, связанная с новым курсом развития страны. Доверяли (полностью или в основном) судам 23 %, полиции — 14 %, правительству — 30 %, парламенту 12 %, политическим партиям — 6 %, СМИ — 26 %. Самый высокий уровень доверия был у Президента — 81 %, церкви — 41 % — и армии — 40 %. К 2015 году доверие почти всем институтам повысилось, но к 2023 году произошло снижение, особенно резко — по отношению к СМИ (практически в два раза). Среди всех источников информации россияне чаще всего выбирают телевидение: узнают новости — 56 %, но доверяют новостным передачам — 42 %. Новости в интернете читают 42 %, доверяют этой информации — 23 %. На этом фоне в последние два года сохраняется стабильно высокое доверие Президенту: в июне 2025 года — 82 % по данным ФОМ, 80 % — по данным ВЦИОМ. Также стабильны положительные оценки работы главы правительства М. Мишустина: июнь 2025 года — 58 % (ФОМ), 53 % (ВЦИОМ). Общество консолидируется вокруг главных государственных институтов и носителей власти в обстановке внешних угроз и опасностей. При этом в опросе ФОМ респонденты отметили, что в личных беседах четверть людей высказывает недовольство действиями властей, а в нашем мониторинге 2023 года большинство отметили, что государство во внутренней политике руководствуется только интересами крупного бизнеса.

Можно констатировать, что политическое поле России характеризуется концентрацией символического капитала в органах государственной власти и в руках акторов, обладающих большими другими капиталами (экономическим, информационным, культурным) и использующими их в борьбе за место в поле политики с привлечением неделегированного им мнения простых людей — не-политических акторов (чаще всего это молчание, но оно оказывается легитимной силой в политическом поле) [39. С. 133]. Низкое доверие большинству политических институтов мотивировано игнорированием интересов социальных и профессиональных групп «простых» людей. В этом размежевании на тех, кто доверяет и не доверяет институтам, отражается и идеологическая сегментация представителей массовых слоев населения на тех, кто ориентирован на прозападный и на самобытный цивилизационный путь. Как правило, ориентация на самостоятельный путь развития России обуславливают поддержку президента и доверие ему и правительству, тогда как для тех, кто ориентирован на западный путь развития, характерно ощущение несправедливости российской «институциональной матрицы» [40].

В волне 2023 года помимо западного и самобытного пути респондентам были предложены еще несколько вариантов: опыт развитых мусульманских стран, опыт китайского общества и модель, в которой сочетается все лучшее, что есть в других развитых странах. Модель развития по собственному пути

выбрали 60 % при максимальном числе сторонников в южных округах (65 %) с самым высоким уровнем доверия институтам. Сторонников западного пути оказалось от 4 до 6 % в разных регионах, прочие варианты в совокупности не набрали и 4 %. Треть высказалась за общество, вбирающее все лучшее, что есть в других странах, и для этой группы характерна большая вариативность мнений по многим вопросам, в том числе по доверию институтам.

Таким образом, в российском политическом поле наблюдается идеологическое противостояние тех, кто выступает за самобытное развитие страны, и тех, кто хочет для России синтеза успехов других стран, а не только опоры на российский или западный опыт. При этом большинство (81 %), независимо от выбранной модели, являются сторонниками демократических форм управления и высказывают серьезные претензии государству с точки зрения невыполнения им социальных обязательств и несоблюдения прав и свобод, что объясняет недоверие россиян властным институтам. Выбор самобытного пути развития страны отнюдь не означает одобрения архаичных, традиционных форм жизни и авторитарных форм управления: горожане и 45–64-летние чаще высказываются за демократию — это те взрослые респонденты, которые социализировались в 1990-е — начале 2000-х годов, а сейчас составляют наиболее рациональную и успешную часть общества. С ростом образования увеличивается и поддержка демократического управления (с 46 % среди лиц с самым низким образованием до 57 % среди не окончивших высшее образование), как и с ростом материального уровня жизни (исключение составляют «необеспеченные» и «богатые» — 44 и 42 % соответственно). Иными словами, наблюдается явное противоречие между системой сложившихся институтов, оцениваемых населением весьма критически, и его демократическими ориентациями.

Бюрократическое поле включает в себя взаимоотношения руководителей и подчиненных на разных уровнях общественной иерархии. Говоря об историческом формировании бюрократического поля, Бурдые рассматривает логику становления государства — от династической формы к бюрократической в целях завоевания монополии легитимной манипуляции общественным богатством [8. С. 256–286]. Политическое и бюрократическое поля лишь частично перекрывают друг друга — в том мере, в которой политик занимает место в системе бюрократического управления, выполняя административные функции наряду с политической борьбой за власть. Бюрократическое поле охватывает не только государственное управление, но и другие иерархические структуры — на уровне территорий, организаций, производств и других локализаций коллективных взаимодействий. Бюрократическое поле — неотъемлемый элемент рационального управления как передачи управленческих импульсов участникам социальных процессов. Актор бюрократического поля действует на основе своих полномочий, полученных в соответствии с установленными процедурами. М. Вебер пока-

зал, что включенность в бюрократический механизм заставляет чиновника действовать по правилам большой бюрократической машины, отбрасывая человеческие мотивы [16].

Сложность и незавершенность процесса становления взаимоотношений государства и общества, в том числе на муниципальном уровне, в современной России заставляет юристов и социологов подчеркивать, что многие проблемы юридического и социального характера в стране все еще не решены [21. С. 64–81]: не снижается острота проблем участия граждан в принятии политических решений, в реализации права на свободу слова, правовую защиту, развитие институтов гражданского общества и решение местных проблем. Сегодня поведение граждан в рамках бюрократического поля можно охарактеризовать как пассивность, недоверие чиновничеству, отчуждение от государства, в том числе вследствие его контроля институтов гражданского общества: наличие представительных институтов власти на общенациональном уровне не является достаточным условием демократии, для массового участия в политической жизни, вернее для подготовки людей к такому участию, требуется обучение в широком смысле слова — подготовка граждан в близких для них сферах, позволяющих сформировать индивидуальную позицию и психологические качества [31].

Во всех волнах мониторинга значительная часть респондентов отмечает, что чувствуют незащищенность от произвола чиновников, что было особенно характерно в начале 2000-х годов (табл. 4); сегодня это половина опрошенных, что меньше, чем в 2002 и 2006 годы, но больше, чем в 2015 году, что может говорить о бюрократизации отношений государства, органов власти и гражданина, а также о росте авторитаризма.

Таблица 4

Насколько Вы себя чувствуете защищенным от произвола чиновников?, %

Варианты ответа	2002	2006	2015	2023
Совсем не защищен	37	21	17	23
Не защищен	34	38	29	28
Трудно сказать	18	25	31	31
Защищен	6	12	16	13
Полностью защищен	5	5	6	5

В стране не преодолено отношение к государству как спонсору и благодетелю: большинство считает, что государство должно обеспечить минимум доходов и работу, а также всесторонне регулировать деятельность частного сектора, что неудивительно после десятилетий государственной собственности, когда государство было единственным работодателем и координатором доходов. Вместе с тем данные в табл. 5 могут свидетельствовать о влия-

нии на оценку роли государства плюрализации форм собственности и роста числа частных предприятий — у россиян появилась возможность работать не только на государственных предприятиях, и снизилась доля тех, кто видит в государстве гаранта доходов (снижение в 2023 году по сравнению с 2015 годом на 22 %) и поддерживает активное влияние государства на частный сектор (на 8 %), но с государства не снимается обязанность обеспечивать работой всех, кто в ней нуждается.

Таблица 5

Насколько Вы согласны с утверждениями?, %

Утверждения	1990	1994	1998	2002	2006	2015	2023
Государство должно обеспечить гражданам минимум доходов							
Не согласен (частично и полностью)	11	5	8	17	13	13	16
Затрудняюсь ответить	17	13	8	10	10	11	18
Согласен (частично и полностью)	70	83	84	73	78	87	65
Государство должно обеспечить работой каждого, кто в ней нуждается							
Не согласен (частично и полностью)	3	5	4	7	4	3	4
Затрудняюсь ответить	6	15	8	9	10	10	13
Согласен (частично и полностью)	88	79	87	86	86	87	86
Государство должно активно влиять на деятельность частного сектора							
Не согласен (частично и полностью)		32	42	23	17	9	14
Затрудняюсь ответить		40	39	25	34	30	34
Согласен (частично и полностью)		33	18	52	49	60	52

Чтобы оценить, насколько развита демократия на производстве и субъектность работника на предприятии, можно «замерить», насколько индивид самостоятелен в организации своей работы и может оказывать влияние на принятие важных решений в своей организации: по данным РСИ, за 2016–2024 годы выросли оба эти показателя, что можно интерпретировать как демократизацию управления на производстве и рост числа самостоятельных работников (самозанятых, мелких и средних предпринимателей).

Региональное поле не выделено Бурдьё, но в российских условиях его целесообразно исследовать, поскольку в силу регионального разнообразия страны оно имеет важное значение в определении места актора в социальном пространстве и в региональной самоидентификации. Межрегиональные отличия в России прослеживаются по уровню модернизации [4], удаленности от центра, этническому и религиозному составу, уровню социально-экономического и социокультурного развития, географии и климату. Межрегиональное неравенство оказывает постоянное и противоречивое влияние на развитие страны, прежде всего по линии взаимодействия регионов с центром и соперничества за получение от него преференций. В каждом регионе действует и борется за центральные и местные ресурсы и влияние группа акторов: политическая, экономическая и управленческая элиты, частные предприниматели и их объединения, национальные диаспоры, а нередко и внесистемные акторы — криминальные образования. В данном контексте можно исследовать также примыкающие к проблематике регионального поля отношения города и села, освоенные и перспективные, депрессивные, теряющие население, и быстро развивающиеся территории с притоком мигрантов.

Специального внимания требуют фронтирные регионы — соединяющая, переходная зона взаимодействия двух или более культур и/или политических структур [35]. Фронтиры отличаются полиэтничностью, сложными межэтническими, языковыми и религиозными отношениями, разнообразием этнокультурных традиций, множеством хозяйственных укладов. Для населения фронтирных регионов характерна изменчивая, «ползучая» идентичность: люди могут позиционировать себя как представителей этнических сообществ, членов религиозных общин, родов и кланов, сторонников традиционных ценностей или современных модернизационных. Многообразие идентичностей и их подвижность говорит о принадлежности, например Северного Кавказа, к фронтирным территориям [5].

С точки зрения актора, важна оценка региона или локальности как перспективного места жительства, укорененность в нем актора, миграционная привлекательность региона, его взаимоотношения с центром, сравнение с другими регионами по ряду показателей — климату, экологическому благополучию, качеству жизни, развитости социальной инфраструктуры, структуре рабочих мест, развитию транспорта и т.д. Важна и самоидентификация актора с местом жительства, регионом и другие субъективные показатели. Так, эмоциональное отношение к своему региону респонденты высказывают, когда говорят, какое место на земле могут назвать родной землей: для 52 % в 2023 году это место, где они родились, для 15 % — место, где они живут сейчас, для 21 % — вся Россия. Наибольшую привязанность к месту рождения упоминают респонденты, длительно проживающие в одном населенном пункте, с низким образованием и жители сельской местности. Укорененность в месте жительства у российского населения довольно высо-

ка — 59 % в 2015 году и 60 % в 2023 году указали, что более 25 лет живут в одном и том же месте. Такое постоянство — отличительная черта традиционного общества, недостаточно затронутого модернизацией с характерным для нее движением населения за новыми рабочими местами. Изучение миграционных процессов в 1979–2015 годы показало сокращение подвижности населения [35. С. 13], несмотря на признаваемое всеми различие качества жизни в центре и регионах, городе и селе, России и других странах мира.

В оценках региона проживания более трети опрошенных демонстрируют позитивный настрой, но многие (43 % в 2015 году и 45 % в 2023 году) видят его недостатки (табл. 6); менее 20 % относятся безразлично к своему региону, привыкли к нему, хотели бы уехать в другой регион или вообще из России.

Таблица 6

**Какие чувства Вы испытываете по отношению
к своей области/республике/краю? (2015, 2023, %)**

Варианты ответов	2015	2023
Я рад, что живу здесь	38	35
В целом я доволен, но многое не устраивает	43	45
Не испытываю особых чувств	7	6
Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать	6	4
Хотел бы уехать в другую область/республику/край России	3	6
Хотел бы вообще уехать из России	1	3
Затрудняюсь ответить	2	1

Близость с жителями своего поселения отметили в 2023 году 74 %, что говорит о предпосылках тесного социального взаимодействия и появления местных сообществ. Локальная идентификация превалирует над региональной (69 %) и общероссийской (68 %), не говоря уже об идентификации с бывшими республиками СССР (47 %) и Европой (11 %). В условиях общественной дезинтеграции механизм солидарности внутри локальной общности срабатывает как специфический способ защиты, что позволяет говорить о самовоспроизводящемся сообществе, осуществляющем социальный контроль за своими членами [20. С. 499–540], что особенно характерно для небольших сельских поселений. Вместе с тем в постсоветский период происходит индивидуализация способов улучшения жизни в территориальных объединениях без больших ожиданий помощи со стороны местных органов власти: 79–77 % считают, что улучшение их жизни зависит от них самих (2015 и 2023 годы), на зависимость от местной власти указали, соответствен-

но, 58 и 43 %, от федеральной — 62 и 65 %. Позитивное влияние общероссийской власти на свою жизнь выше оценивают жители больших городов (71 % против 57 % в сельской местности). Расчет на собственные силы прослеживается в трудовой деятельности: 26 % стараются как можно лучше работать на основной работе, 25 % используют любую возможность подработки, 15 % занимаются подсобным хозяйством; только 20 % ничего не делают для улучшения своей жизни, в основном в силу преклонного возраста.

Национальное (этническое) поле конструируется взаимодействием многообразных национальностей и этносов, самоотнесение к которым является личным делом. В последней Всероссийской переписи населения (2020) было зарегистрировано 194 групп и подгрупп ответов о национальной принадлежности, что на 12 больше, чем в 2002 году, но 16,6 млн не указали национальную принадлежность (5,7 млн в 2010 году), что может свидетельствовать о снижении значения этнической идентичности по сравнению с гражданской, территориальной, игровой, вымышленной и др. [18]. Ведущий признак множественности национального (этнического) поля — язык: в России насчитывается 14 языковых семей, 155 «живых» языков, которые реально используются, 15 заснувших/исчезнувших с начала XX века [33]. Русский язык является общегосударственным, 25 языков наделены статусом республиканских государственных. По данным всероссийского мониторинга 2023 года, 98 % россиян говорят дома на русском языке, владение русским дает чувство принадлежности к российскому обществу (68 %), предоставляет возможности межнационального общения (49 %), получения качественного образования (39 %), больше возможностей для трудоустройства (33 %). Вторым языком домашнего общения — татарский (2,9 % и каждый второй представитель татарской национальности).

Сегодня национальная, этническая идентичность в значительной мере трансформировалась в общероссийскую, наднациональную: только 35 % ощущают сильную связь со своей национальностью, некоторую связь — 30 %, 35 % или совершенно ее не ощущают (21 %) или ощущают в незначительной степени (14 %), но для абсолютного большинства (85 %) важно право народа на его собственный язык и культуру (очень важно — 55 %, довольно важно — 30 %). В этом нет противоречия — продвинувшись далеко вперед в ощущении себя россиянином, индивид, тем не менее, продолжает сохранять внутреннюю связь с культурой и, главное, родным языком, которые составляют, наряду с общегражданским компонентом, базис идентичности. На социально-бытовом уровне значимость национальности невелика, при необходимости получить поддержку в трудных жизненных ситуациях только 7 % рассчитывают на помощь представителей своей национальности, остальные ожидают получить помощь по другим каналам — от семьи, друзей и сослуживцев. Взаимопонимание в кругу людей своей национальности отмечают 9 %, что значительно меньше, чем в других общностях (семья, дру-

зья, коллеги). Среди тех, кто чувствует себя защищенным от опасностей, национальность стоит на одном из первых мест вслед за религиозностью (66 %).

Если же обратиться к национально-этническому измерению отношений, которые возникают в результате внутренней и международной миграции, то ситуация отличается напряженностью, динамизмом и противоречивостью. Так, среди мигрантов отмечена более сильная связь с представителями своей национальности — именно к их помощи они прибегают в случае необходимости. Полинациональность России не означает, что достигнута гармония отношений всех национальностей — присутствуют соперничество в разных сферах общественной жизни, столкновение интересов на общероссийском и локальных уровнях. Обострение отношений наблюдается при росте миграции, когда усиливается борьба за ресурсы — экономические, политические, социальные — на разных иерархических уровнях. Вместе с тем около половины россиян убеждены, что трудовая миграция — благо для страны (в 2–2,5 раза чаще, чем в прошлых волнах мониторинга). По данным ESS, при оценке роли приезжих в экономике страны по 10-балльной шкале в 2016 году средний балл составлял 3,6 (самый низкий в европейских странах), а затем он значительно вырос к 2024 году — 4,29 балла (данные РСИ). В ответах на вопрос «Приток людей из других стран скорее разрушает или скорее обогащает культуру нашей страны?» средняя оценка в 3,6 балла в 2016 году к 2024 году не изменилась (3,65). Напряженность в отношениях с мигрантами обостряется на бытовом уровне — местное население раздражают нарушения общественного порядка и обыденных правил мигрантами.

Религиозное поле России вмещает в себя множество религий и конфессий: свобода вероисповедания и выбора религиозных убеждений гарантирована каждому гражданину, как и право не придерживаться никакой религии. Концепцию религиозного поля Бурдье разрабатывал в 1970-е годы и, хотя эта тема не была главной в его творчестве, он предложил концепты, легшие в основу анализа религиозного поля социального пространства: габитус, капитал, символическое насилие [11. С. 7–74]. Религия у Бурдье играет важнейшую роль в устроении и сохранении общества, обеспечивая его устойчивость благодаря символическому капиталу религиозных деятелей и организаций. Однако многие исследователи отмечают ограниченность теории религиозного поля Бурдье: в ней религия «генерирует смыслы, иерархию ценностей, утверждает законность господства и легитимирует формы социальной дифференциации. Религиозные учреждения в этой модели производят санкцию политического и экономического порядка. Производителей религиозного капитала Бурдье наделяет огромной властью... Религия — это одна из “символических систем”, предназначенных для узаконения и воспроизводства неравноправных и несправедливых социальных порядков... Как и Маркс, Бурдье делает акцент на том, что религия сохраняет сложившийся социальный порядок и служит легитимации власти, освящает социальные

различия и неравенства» [38. С. 38, 41]. Ограниченность, «классовость» теории Бурдье затрудняет понимание роли религии в формировании гуманитарной системы ценностей (патриотизм, толерантность, доброжелательность, традиционализм и др.).

Сегодня возникает «необходимость пересмотра традиционных взаимоотношений между религией и политикой, религией и обществом, церковью и другими политическими институтами, поиска новой модели сосуществования как в теоретических парадигмах, так и в социальном и политическом пространствах» [29. С. 48]. Религиозное поле тесно взаимодействует с другими полями — политическим, бюрократическим, национальным, региональным — через воздействие на них определяя политическое и социальное развитие общества, его сплочение и мобилизацию перед лицом внешних и внутренних вызовов. Несмотря на определенную секуляризацию современных обществ, в России продолжается и даже актуализируется деятельность церкви по воспроизводству ценностной структуры общества, по преодолению влияния новых негативных установок на свободу поведения.

В религиозном поле России сосуществуют традиционные религии — христианство, ислам и буддизм — и нетрадиционные. По данным Министерства юстиции на август 2022 года, в стране было зарегистрировано 32076 религиозных организаций, представляющих более 60 различных конфессий: РПЦ принадлежат 59,8 % всех организаций, исламу — 19,2 %, христианам веры евангельской-пятидесятникам — 3,3 %, баптистам — 2,8 %, евангелистам — 2,2 %, адвентистам седьмого дня — 1,8 %, буддистам и иудеям — 1,7 %, старообрядцам — 1,2 %, католикам — 1 %, пресвитерианцам, лютеранам и др. — оставшиеся 7 % [36]. По данным «Атласа религий и национальностей» (2012), чуть более 1 % исповедуют традиционную религию своих предков, т.е. это различные языческие культы [2].

Для России всегда была характерна многорелигиозность: по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, в стране преобладали православные и старообрядцы (69,9 %), к мусульманам себя отнесли 10,8 %, к католикам — 8,9 %, протестантам — 4,8 %, иудеям — 4 %, буддистам — 0,3 % [34]. Конституция определяет Российскую Федерацию как светское государство, но гарантирует свободу совести и вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Федеральный закон от № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» подтверждает «равенство перед законом независимо от отношения к религии и убеждений» [42].

Сегодня происходят значительные изменения в религиозности населения. По данным мониторинга 2023 года, 75 % исповедуют православие, 5 % — ислам, по 0,8 % — буддизм и протестантизм, 0,3 % — католицизм,

другие верования — 4 %, никакие — 13 %, атеисты — 2 %. Однако уровень воцерковленности у православных заметно ниже числа относящих себя к таковым: каждый день или раз в неделю посещают религиозные службы только 5,6 %, раз в месяц — 9,6 %, только по религиозным праздникам — 20,1 %, еще реже — 36 %, никогда — 29 %; половина опрошенных практически никогда не молятся, только 3–5 % регулярно исповедуются и причащаются [41. С. 428]. Кроме того, у населения снижается уровень доверия к церкви — она занимает четвертое место по уровню доверия среди социальных институтов (40 % полностью и в основном доверяющих; таблица 3), тогда как в 2015 году церкви доверял каждый второй (49 %); не доверяют церкви в 2023 году (полностью или частично) 31 % (без разделения на конфессии).

Спокойное состояние религиозного поля в большинстве регионов России объясняется высоким уровнем толерантности населения ко всем конфессиям: большинство не чувствуют притеснений по причине своих религиозных убеждений (68 % в 2023 году; 24 % не определились с ответом). Оценивая состояние религиозного поля в России, нельзя забывать о цивилизационной роли религии, заложившей и поддерживающей основы идентичности населения, нормы социального и бытового поведения, поэтому важно использовать ресурс консолидации, имманентный религиозным системам.

Ценностное поле, или *поле ценностных систем*, в России обладает широким спектром различий, если использовать разные классификационные принципы [3]. Сторонники тех или иных ценностных позиций в этом поле обладают своего рода капиталом, имея возможность воздействовать на социальные практики агентов. Сегодня наиболее значимо разделение на систему ценностей традиционного, самобытного российского (и его приемника — советского) типа и западного, современного. В эмпирических исследованиях это разделение операционализировано в специальных исследовательских инструментах, которые позволяют определять группы с традиционной и современной системами ценностей, где значимыми линиями разделения выступают национальность (этнос), территориальная принадлежность, поколенческие и возрастные градации, гендер и др. Ценностная структура населения России многослойна — в ней чередуются слои с приоритетом современных и традиционных ценностей при значительных слоях со смешанными в разных пропорциях ценностными ориентациями. Иначе и быть не могло — социальное пространство России представляет собой разнонаправленные культурные образования, которые несут в себе исторический опыт народов, пересекающихся на протяжении десятилетий и столетий в практической, идеологической и коммуникационной плоскостях. Поэтому и система ценностей имеет структуру, детерминируемую социально-демографическими, профессиональными, образовательными, этническими и другими различиями. Многочисленные структурные образования внутри социального пространства создают эф-

фект ризомы — множественные неупорядоченные точки позволяют избежать дуального представления ценностных систем.

Многие специалисты видят угрозу стабильности общества в разделении социального поля на два основных направления — западное, модернистское, и традиционное, самобытное: «эти размежевания в российском обществе приобретают характер противоречий между частью элиты, ориентированной на западные ценности (индивидуальная свобода, частная собственность, материальный успех, рынок, деньги), и массовыми группами, которые в основном разделяют традиционные российские и советские ценности, такие как государство и государственный патернализм, семья, социальная справедливость, порядок, развитие на основе собственных традиций и собственной культуры. С другой стороны, эти размежевания приобретают также поколенческий характер: значительная часть молодежи больше ориентирована на западные ценности, в то время как большинство представителей среднего и старшего поколений, переживших распад государства и «лихие 90-е», в той или иной мере придерживаются традиционных (или полутрадиционных) российских и советских ценностей и ориентаций» [32. С. 33].

Соглашаясь с общей мыслью о связи ценностей с профессиональной принадлежностью и опытом поколений, все же подчеркнем важный нюанс: в России возрастает значимость инструментальных и рациональных ценностей, которые более свойственны западным обществам и начинают доминировать не только в элитных слоях и у молодежи, но в группах среднего класса, мелких и средних предпринимателей, и у специалистов с высшим и средним специальным образованием, у высококвалифицированных рабочих. А в этих группах представлены все возрастные категории, поскольку модернизация затронула трудовую деятельность и образ жизни всех активных групп общества — они все больше уходят от патернализма, выбирают самостоятельные стратегии, что больше свойственно западному образу жизни. По данным волн 2015 и 2023 годов, при практически не изменившейся высокой ценности личной безопасности и ценности жизни (традиционные ценности в большинстве исследований), значительно выросла ценность свободы при снижении ценности обычаев и традиций: эмпирические данные «не подтверждают приписываемой “русскому национальному характеру” склонности к покорности и послушанию, равно как и сильного стремления следовать обычаям и традициям... не подтверждается представление об уникальности, “особости” российского общества» [28].

Состояние социального пространства современной России может быть представлено как смешение ценностных систем традиционного и современного западного типов, которым в разной степени привержены практически все слои общества: «Перспективы развития России и других стран связаны не с глобальной и зачастую насильственной унификацией систем ценностей, лежащих в основе разных цивилизаций, а с определенной модифика-

цией и модернизацией этих систем. Для современного российского общества... наиболее важным и актуальным является постепенное преодоление раскола между социальными группами, придерживающимися относительно традиционных государственных ценностей, и группами, разделяющими либерально-западнические ценности» [32. С. 38]. Латентное движение в направлении сближения этих групп после распада Советского Союза подверглось корректировке в условиях специальной военной операции, когда на государственном уровне было отдано предпочтение традиционным российским ценностям. В тех чрезвычайных условиях, в которых оказалась страна, конфликт двух систем ушел на второй план, уступив место провозглашению принципов традиционализма, патриотизма и жертвенности.

Таким образом, социальное пространство России, рассмотренное сквозь призму составляющих его полей, позволяет дифференцировать представление о месте человека в обществе в зависимости от обладания тем или иным видом капитала, проанализировать экономическое, социальное и идеологическое сегментирование общества и его цивилизационную гетерогенность. Теоретический конструкт социального пространства позволяет исследовать живую ткань общества в его многообразии, привлекая разные эмпирические данные [6. С. 33], и в статье рассмотрены те эмпирические показатели, что характеризуют социально-экономическое, политическое, бюрократическое, религиозное, региональное, национальное и ценностное поля социального пространства, а также их отражение в массовом сознании. Концепция социального пространства Бурдьё позволила увидеть множественные характеристики полей и предположить неоднозначность положения индивида в каждом поле и в социальном пространстве в целом. Однако сохраняется задача создания целостной модели существующих в обществе иерархий социальных позиций на основе определения места акторов в социальных полях, их взаимодействия и взаимовлияния. Можно предположить, что анализ динамики иерархий социальных позиций поможет определить точки напряжения в российском социальном пространстве в интересах повышения уровня консолидации общества.

Примечания

- (1) Все опросы, кроме 2023 года, проводились по месту жительства респондентов, в 2023 году был реализован онлайн-опрос на панели компании «Институт общественного мнения Анкетолог». Все опросы проводились на всероссийских выборках (18+ лет), N=1000–1400, ошибка выборки — до 3,5 %. В 2023 году были дополнительно опрошены респонденты в СЗФО (225 респондентов) и ЮФО с СКФО (220) — был сформирован второй массив для корректного сравнения округов географически, этнографически и конфессионально.
- (2) Опрос проведен ЦЕССИ (Институт сравнительных социальных исследований) методом личных интервью по месту жительства респондентов (репрезентативная выборка 15+; N=2541). URL: www.russiansocialsurvey.ru

Библиографический список

1. Автономова Н.С. Структурализм. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01b0e8713aa8c7cb31f681b0>.
2. Арена: Атлас религий и национальностей России. URL: <https://sreda.org/arena>
3. Аманталиев А.А. Иерархия ценностных систем и принципы их классификации. URL: https://arch.kyrlibnet.kg/uploads/NSU_AKMATALIEV_1.pdf.
4. Атлас модернизации России и ее регионов: социальноэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М., 2016.
5. Беляева Л.А. Вторичная модернизация в России и во фронтальном регионе: потенциал общего цивилизационного пути // Знание. Понимание. Умение. 2024. № 4.
6. Беляева Л.А. Социальное пространство: от теоретических построений к эмпирическому изучению // Философские науки. 2012. № 6.
7. Беляева Л.А. Социальные дистанции как характеристика социального пространства современной России // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
8. Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Социология социального пространства / отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.; СПб., 2007.
9. Бурдые П. Социология политики / сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М., 1993.
10. Бурдые П. «От королевского дома» к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // Социология социального пространства / отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.; СПб., 2007.
11. Бурдые П. Генезис и структура поля религии // Социальное пространство: поля и практики / Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.; СПб., 2005.
12. Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко. СПб., 2001.
13. Бурдые П. Социология социального пространства / отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.; СПб., 2007.
14. Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2.
15. Бурдые П. Начала / пер. с фр. Н.А. Шматко. М., 1994.
16. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / сост., общ. ред. и пред. Л.Г. Ионина. Т. 1. М., 2016.
17. Виноградский В.Г. Социальная организация пространства / отв. ред. Я.Ф. Аскин. М., 1988.
18. Всероссийская перепись населения 2020. URL: <https://ddnchel.ru/upload/medialibrary/baf8j8t4yb9t35921mnqvz55f1teqe3gak.pdf>
19. Гирко Л.В. Социальное пространство: междисциплинарные исследования. М., 2003.
20. Горяченко Е.Е. Территориальная общность в изменяющемся обществе // Социальная траектория реформируемой России. Новосибирск, 1999.
21. Джагарян Н.В. Местное самоуправление и бюрократия: конституционные аспекты соотношения и взаимовлияния // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 6.
22. Динамика материального положения. Россияне о своем материальном благополучии и его перспективах. URL: <https://fom.ru>.
23. Ермилова А.В. Характеристики социального поля спорта: некоторые элементы теории П. Бурдые // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. № 4.
24. Иванов О.И. Социальное пространство как научное понятие и как объект эмпирического изучения // Научный результат. Серия: Социальные и гуманитарные исследования. 2015. Т. 1. № 3.
25. Качанов Ю.Л. Производство политического поля в современной России. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/kachanov-yul/proizvodstvo-politicheskogo-polya-v-sovremennoy-rossii>
26. Ключевский В. Курс русской истории. Ч. IV. М., 1937.

27. Леонтьева Э.О. Концепция социального поля и ее эвристический потенциал для объяснения трансформаций высшего образования в период пандемии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2022. Т. 19. № 2.
28. Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2008/0345/analit02.php>
29. Мчедлова М.М., Кудряшова М.С. Российские политические акценты современных взаимоотношений религиозного и светского // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2015. № 3.
30. Огородников А.Ю. Социальные поля как источник ценностей современного российского общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2014. № 4.
31. Пантин И.К. Преодолеть раскол общества и государства // Демократия для России — Россия для демократии / отв. ред. А.А. Гусейнов. М., 2008.
32. Пантин В.И. Ценностные размежевания и расколы в современных обществах: влияние на социально-политическое развитие // История и современность. 2020. № 3.
33. Проект «Языки России. URL: <http://jazykirf.iling-ran.ru>.
34. Распределение населения Империи по главным вероисповеданиям. СПб., 1901.
35. Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства / ред. и сост. И.В. Герасимов и др. Казань, 2004.
36. Родулгина О.Ю. Лекция 5. Традиционные религии и конфессии России и их роль в истории и жизни страны. URL: e5ele897a2175e37ddf20143620dbf69.pdf.
37. Рыбаковский Л.Л., Маевский Д.П., Кожевникова Н.И. Миграционная подвижность населения и ее измерение // Народонаселение. 2019. № 2.
38. Ситников А.В. Методы изучения религии в социальной теории П. Бурдьё // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 1.
39. Суров Д.О. Тенденции развития политического поля современной России // Вестник Омского университета. 2004. № 1.
40. Тихонова Н.Е. Идеологическая сегментация массовых слоев населения в условиях обострения конфронтации с Западом (опыт эмпирического анализа) // Политические исследования. 2024. № 5.
41. Уфимцева Е.И. Воцерковленность современной православной молодежи: социологический анализ факторов и тенденций развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2019. Т. 19. № 4.
42. Федеральный закон от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11523>
43. Хромова Е.Б. Поле политики в социальной философии П. Бурдьё: некоторые элементы теории // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2016. № 1.
44. Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб., 2007.
45. Чернявская О.С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций // Вестник Нижегородского университета. Социология. Психология. Философия. 2008. № 5.
46. Шматко Н.А., Маркова Ю.В. «Социальное пространство» П. Бурдьё: история конструирования понятия // Социологический журнал. 2025. Т. 31. № 1.
47. Юдин Г. Россия как плебисцитарная демократия // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. № 2.

The place of man in Russia's social space (possibilities of empirical research)*

L.A. Belyaeva

Institute of Philosophy of RAS,
Goncharnaya St., 12–1, Moscow, 109240, Russia

(e-mail: bela46@mail.ru)

Abstract. The article considers concepts and phenomena that provide an understanding of the social space of the country, which encompasses individuals with their abilities, needs, life circumstances, assessments, and opinions. The study is based on P. Bourdieu's theory of social space as a set of social fields: economic, political, bureaucratic, religious, national, regional, and value-based. The study of the last three fields, which Bourdieu did not specifically address, is explained by the specifics of the Russian situation. Without taking these fields into account, the study of mass consciousness and the positions of actors and groups in social space would be incomplete. The article aims at presenting a holistic view of social space on the basis of empirical indicators. Fields of social space are considered as multi-component objects that cannot be reduced to a single whole due to different foundations, sets of features/indicators and different influences on the position of the individual in society. The author considers social space through the prism of mass consciousness (assessments of social fields and one's positions in them), which provides an insight into the qualities of these fields, which contribute to or hinder the development of society and human well-being. The empirical data of the study consists of the all-Russian monitoring of the Center for the Study of Social-Cultural Changes of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (CSSC IF RAS) (1990–2023), European Social Survey (ESS), in which Russia participated, surveys conducted by the leading Russian public opinion centers in 2024–2025 and the Russian Social Survey (RSI) in 2024. The article shows that the fields of social space in Russia are heterogeneous and dynamic, which makes its study an urgent task under the current internal and external, economic and social-political challenges.

Key words: social space; capital; field — social-economic, political, bureaucratic, religious, regional, national, value-based; public opinion polls; empirical indicators

For citation: Belyaeva L.A. The place of man in Russia's social space (possibilities of empirical research). *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (4): 689–715. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-4-689-715>

References

1. Avtonomova N.S. Structuralism. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01b0e8713aa8c7cb31f681b0>. (In Russ.).
2. Arena: Atlas religii i natsionalnostey Rossii [Atlas of Religions and Nationalities of Russia]. URL: <https://sreda.org/arena>. (In Russ.).
3. Amantaliyev A.A. Ierarkhiya tsennostnyh sistem i printsipy ih klassifikatsii [Hierarchy of value systems and principles of their classification]. URL: https://arch.kyrlibnet.kg/uploads/NSU_AKMATALIEV_1.pdf. (In Russ.).

---

*© L.A. Belyaeva, 2025

The article was submitted on 11.06.2025. The article was accepted on 14.10.2025.

4. Atlas modernizatsii Rossii i ee regionov: sotsioekonomicheskie i sotsiokulturnye tendentsii i problemi [Atlas of Modernization of Russia and Its Regions: Social-Economic and Social-Cultural Trends and Problems]. Ed. by N.I. Lapin. Moscow; 2016. (In Russ.).
5. Belyaeva L.A. Vtorichnaya modernizatsiya v Rossii i vo frontirnom regione: potentsial obshchego tsivilizatsionnogo puti [Secondary modernization in Russia and the frontier region: Potential of a common civilizational path]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2024; 4. (In Russ.).
6. Belyaeva L.A. Sotsialnoe prostranstvo: ot teoreticheskikh postroeniy k empiricheskomu izucheniyu [Social space: From theoretical constructs to empirical research]. *Filosofskie Nauki*. 2012; 6. (In Russ.).
7. Belyaeva L.A. Sotsialnye distantsii kak kharakteristika sotsialnogo prostranstva sovremennoi Rossii [Social distances as a feature of the contemporary Russian social space]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1). (In Russ.).
8. Bourdieu P. Duh gosudarstva: genezis i struktura byurokraticheskogo polya [Rethinking the state: Genesis and structure of the bureaucratic field]. *Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva*. Ed. by N.A. Shmatko. Moscow; 2007. (In Russ.).
9. Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Political Sociology]. Ed. by N.A. Shmatko. Moscow; 1993. (In Russ.).
10. Bourdieu P. “Ot korolevskogo doma” k gosudarstvennomu interesu: model proiskhozhdeniya byurokraticheskogo polya [“From the royal house” to the state interest: A model of the origin of the bureaucratic field]. *Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva*. Ed. by N.A. Shmatko. Moscow; 2007. (In Russ.).
11. Bourdieu P. Genezis i struktura polya religii [Genesis and structure of the religious field]. *Sotsialnoe prostranstvo: polya i praktiki*. Ed. by N.A. Shmatko. Moscow; 2005. (In Russ.).
12. Bourdieu P. *Praktichesky smysl* [Practical meaning]. Transl. from French by A.T. Bikbov, K.D. Voznesenskaya, S.N. Zenkin, N.A. Shmatko. Saint Petersburg; 2001. (In Russ.).
13. Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Ed. by N.A. Shmatko. Moscow; 2007. (In Russ.).
14. Bourdieu P. Struktura, gabitus, praktika [Structure, habitus, practice]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*. 1998; 1 (2). (In Russ.).
15. Bourdieu P. *Nachala* [Beginnings]. Transl. from French by N.A. Shmatko. Moscow; 1994. (In Russ.).
16. Weber M. *Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii* [Economy and Society: Essays on Interpretative Sociology]. Ed. by L.G. Ionin. Vol. 1. Moscow; 2016. (In Russ.).
17. Vinogradsky V.G. *Sotsialnaya organizatsiya prostranstva* [Social Organization of Space]. Ed. by Ya.F. Askin. Moscow; 1988. (In Russ.).
18. Vserossiyskaya perepis naseleniya 2020 [All-Russian Population Census 2020]. URL: <https://ddnchel.ru/upload/medialibrary/baf/8j8t4yb9t35921mnqvz55fi1teqe3gak.pdf>. (In Russ.).
19. Girko L.V. *Sotsialnoe prostranstvo: mezhdistsiplinarnye issledovaniya* [Social Space: Interdisciplinary Research]. Moscow; 2003. (In Russ.).
20. Goryachenko E.E. Territorialnaya obshchnost v izmenyayushchemsya obshchestve [Territorial community in the changing society]. *Sotsialnaya traektoriya reformiruemoi Rossii*. Novosibirsk; 1999. (In Russ.).
21. Dzhagaryan N.V. Mestnoe samoupravlenie i byurokriatiya: konstitutsionnye aspekty sootnosheniya i vzaimovliyaniya [Local self-government and bureaucracy: Constitutional aspects of relationship and mutual influence]. *Sravnitelnoe Konstitutsionnoe Obozrenie*. 2014; 6. (In Russ.).
22. Ermilova A.V. Kharakteristiki sotsialnogo polya sporta: nekotorye elementy teorii P. Bourdieu [Characteristics of the social field of sport: Some elements of P. Bourdieu’s

- theory]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. 2022; 22 (4). (In Russ.).
23. Dinamika materialnogo polozheniya. Rossiyanе o svoem materialnom blagopoluchii i ego perspektivah [Financial situation dynamics: Russians on their financial well-being and its prospects]. URL: <https://fom.ru>. (In Russ.).
  24. Ivanov O.I. Sotsialnoe prostranstvo kak nauchnoe ponyatie i kak ob'ekt empiricheskogo izucheniya [Social space as a scientific concept and an object of empirical study]. *Nauchnyy Rezultat. Seriya: Sotsialnye i Gumanitarnye Issledovaniya*. 2015; 1 (3). (In Russ.).
  25. Kachanov Yu.L. Proizvodstvo politicheskogo polya v sovremennoi Rossii [Production of political field in contemporary Russia]. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/kachanov-yul/proizvodstvo-politicheskogo-polya-v-sovremennoy-rossii>. (In Russ.).
  26. Klyuchevsky V. *Kurs russkoy istorii*. Chast IV [Course on Russian History. Part IV]. Moscow; 1937. (In Russ.).
  27. Leontyeva E.O. Kontseptsiya sotsialnogo polya i ee evristichesky potentsial dlya obyasneniya transformatsii vysshego obrazovaniya v period pandemii [The concept of social field and its heuristic potential for explaining the transformations of higher education during the pandemic]. *Sotsialnye i Gumanitarnye Nauki na Dalnem Vostoke*. 2022; 19 (2). (In Russ.).
  28. Magun V., Rudnev M. Zhiznennye tsennosti rossiiskogo naseleniya: skhodstva i otlichiya v sravnenii s drugimi evropeiskimi stranami [Russians' life values: Similarities and differences in comparison with other European countries]. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2008/0345/analit02.php>. (In Russ.).
  29. Mchedlova M.M., Kudryashova M.S. Rossiyskie politicheskie aktsenty sovremennykh vzaimootnosheniy religioznogo i svetskogo [Russian political accents in the contemporary relationship of the religious and the secular]. *RUDN Journal of Political Science*. 2015; 3. (In Russ.).
  30. Ogorodnikov A.Yu. Sotsialnye polya kak istochnik tsennostei sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Social fields as a source of values in the contemporary Russian society]. *Gosudarstvennoe i Munitsipalnoe Upravlenie. Uchenye Zapiski*. 2014; 4. (In Russ.).
  31. Pantin I.K. Preodolet raskol obshchestva i gosudarstva [To overcome the split between society and the state]. *Demokratiya dlya Rossii — Rossiya dlya demokratii*. Ed. by A.A. Guseinov. Moscow; 2008. (In Russ.).
  32. Pantin V.I. Tsennostnye razmezhevaniya i raskoly v sovremennykh obshchestvakh: vliyanie na sotsialno-politicheskoe razvitiye [Value divisions and splits in contemporary societies: Impact on social-political development]. *Istoriya i Sovremennost*. 2020; 3. (In Russ.).
  33. Proekt “Yazyki Rossii” [Project “Languages of Russia”]. URL: <http://jazykirf.iling-ran.ru>. (In Russ.).
  34. *Raspredelenie naseleniya Imperii po glavnym veroispovedaniyam* [Distribution of the Empire's Population by Main Religions]. Saint Petersburg; 1901. (In Russ.).
  35. Riber A. Menyayushchiesya kontseptsii i konstruktii frontira: sravnitelno-istorichesky podkhod [Changing concepts and constructions of the frontier: Comparative historical approaches]. *Novaya imperskaya istoriya postsovetetskogo prostranstva*. Ed. by I.V. Gerasimov et al. Kazan; 2004. (In Russ.).
  36. Rodulgina O.Yu. Lektsiya 5. Traditsionnye religii i konfessii Rossii i ih rol v istorii i zhizni strany [Lecture 5. Traditional Russian religions and confessions and their role in the country's history and life]. URL: e5e1e897a2175e37ddf20143620dbf69.pdf. (In Russ.).
  37. Rybakovsky L.L., Mavsky D.P., Kozhevnikova N.I. Migratsionnaya podvizhnost naseleniya i ee izmerenie [Migration mobility of population and its measurement]. *Narodonaselenie*. 2019; 2. (In Russ.).
  38. Sitnikov A.V. Metody izucheniya religii v sotsialnoi teorii P. Bourdieu [Approaches to the study of religion in P. Bourdieu's social theory]. *RUDN Journal of Sociology*. 2017; 17 (1). (In Russ.).

39. Surov D.O. Tendentsii razvitiya politicheskogo polya sovremennoi Rossii [Trends in the development of the political field of contemporary Russia]. *Vestnik Omskogo Universiteta*. 2004; 1. (In Russ.)
40. Tikhonova N.E. Ideologicheskaya segmentatsiya massovykh sloev naseleniya v usloviyakh obostreniya konfrontatsii s Zapadom (opyt empiricheskogo analiza) [Ideological segmentation of the mass strata under the aggravated confrontation with the West (empirical analysis)]. *Political Studies*. 2024; 5. (In Russ.).
41. Ufimtseva E.I. Votserkovlennost sovremennoy pravoslavnoy molodezhi: sotsiologicheskyy analiz faktorov i tendentsii razvitiya [Churching of the contemporary Orthodox youth: Sociological analysis of factors and trends]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. 2019; 19 (4). (In Russ.).
42. Federalny zakon ot 26.09.1997 g. No. 125-FZ "O svobode sovesti i o religioznykh ob`edineniyakh" [Federal Law No. 125-FZ of September 26, 1997 "On Freedom of Conscience and Religious Associations"]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11523>. (In Russ.).
43. Khromova E.B. Pole politiki v sotsialnoi filosofii P. Bourdieu: nekotorye elementy teorii [Political field in social philosophy of P. Bourdieu: Certain elements of the concept]. *Vestnik Permskogo Natsionalnogo Issledovatel'skogo Politekhnicheskogo Universiteta. Kultura. Istoriya. Filosofiya. Pravo*. 2016; 1. (In Russ.).
44. Filippov A.F. *Sotsiologiya prostranstva* [Sociology of Space]. Saint Petersburg; 2007. (In Russ.).
45. Chernyavskaya O.S. Sotsialnoe prostranstvo: obzor teoreticheskikh interpretatsiy [Social space: A review of theoretical interpretations]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta. Sotsiologiya. Psikhologiya. Filosofiya*. 2008; 5. (In Russ.).
46. Shmatko N.A., Markova Yu.V. "Sotsialnoe prostranstvo" P. Bourdieu: istoriya konstruirovaniya ponyatiya ["Social space" of P. Bourdieu: History of concept construction]. *Sotsiologicheskyy Zhurnal*. 2025; 31 (1). (In Russ.).
47. Yudin G. Rossiya kak plebistsitarnaya demokratiya [Russia as a plebiscitary democracy]. *Russian Sociological Review*. 2021; 20 (2). (In Russ.).